

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"НUESTRO PAIS"
SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980
INTERES GENERAL

АÑO X Buenos Aires, Jueves, 23 de enero de 1958 Буэнос Айрес, четверг, 23 января 1958 года № 418

В чем наша сила?

Соприкасаясь ежедневно с теми или иными видами политической и общественной жизни, как общемировой, так и более узкой, нашей зарубежной, и считая, что основным двигателем является для нас благо и честь России и ее будущее — на благо наше и всего мира, многим из нас приходится подчас горько устыдиться за несусветимую "политическую" и иную халтуру, бытующую в каких-то наших зарубежных "днах" того или иного толка. Стыдно становится оттого, что все это связывается с многострадальным русским именем, терпящим и без того всяческую хулу и поношение.

Усилия и устремления каждого из нас, будь то по линии культурного, общественного и подчас политического сожительства с тем или иным народом, а также и по линии внутренней нашей зарубежной политической жизни, должны быть подвергнуты строгому критическому анализу, исходящему из следующих основных критериев:

- 1) уважение к самому себе и утверждение чувства собственного достоинства,
  - 2) ощущение самого себя, как сопричастного к истории великого Отечества нашего гражданина, и
  - 3) простирающееся из этого ощущение элементарной гражданственности, являющейся первым мериллом всех наших деяний и поступков.
- Утверждение чувства собственного достоинства всегда, а теперь особенно,

являлось неотъемлемой принадлежностью каждого честного политика, и каждого честного политически мыслящего человека.

И это особенно важно теперь, т. к. это чувство, в соединении с чувством элементарного уважения к себе подобным, как раз и отсутствует в области современных политических свершений. Насмехательство и надругание над духовными и национальными святынями отдельных народов, а, прежде всего, России — сегодня на повестке дня. Вся мировая пропаганда изощряется и систематически направляется, как в смысле охолощения этих чувств у тех, у кого они сохранились, так и обезличивания и превращения их в расплывчатую и безликую массу "Иванов, непомнящих родства" интернационалистического толка.

Нет никакого сомнения в том, что утверждение этого чувства собственного достоинства в нас самих и сохранение себя в утверждаемых нами категориях является ныне своего рода духовным подвигом. И это предъявляет большие требования к нам самим в первую очередь. Это добровольное благородство — тем более обязывает. Оно нам указывает истинный путь наших духовных и политических исканий: есть ли ныне что либо возвышеннее того, как служение великому нашему Отечеству, не только во времена его славы и процветания, но и теперь особенно — в года лихих? Пусть мало изсе ядро, но оно достаточно сильно, чтобы противостать всевозможным скороспелым "политикам" и "трехнедельным удалцам", не знающим своих собственных святынь и отрицающим их также и у других.

В воскресенье, 2 февраля с. г., после Божественной Литургии в Кафедральном Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон) будет отслужена панихида по злодейски убиенным 3 февраля 1938 года,

ТАМАРЕ ВЛАДИМИРОВНЕ СОЛОНЕВИЧ

и
НИКОЛАЕ ПЕТРОВИЧЕ МИХАЙЛОВЕ
и по безвременно скончавшемся 24 апреля 1953 г.
ИВАНЕ ЛУКЬЯНОВИЧЕ СОЛОНЕВИЧЕ

"НАША СТРАНА"

5 января с. г., в 17 часов, после продолжительной болезни, скончался в Буэнос Айресе

Л. Гв. Егерского полка полковник
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ИЕВРЕИНОВ

После отпевания, состоявшегося 6 сего января в Церкви Св. Равноапостольного Князя Владимира, тело было предано земле на кладбище Сан Мартин.

В сороковой день, 13 февраля с. г., в 18 час. 30 мин., в Церкви Св. Равноапостольного Князя Владимира (Сан Мартин, 344, Вижа Бажестер) будет отслужена

ПАНИХИДА

о чем извещают убитая горем жена
и Союз Русских Белых Военных Инвалидов

Стать ныне "Иваном, непомнящим родства" — очень легко и даже прибыльно. Сохранить себя русским в окружающем нас мраке — очень трудно и даже опасно.

Значение внешнеполитической роли российского зарубежья гораздо более его предполагаемого значения в будущих внутрисоссийских освободительных событиях. Теперь это становится все ясней. И даже можно сказать, что наша внешнеполитическая роль, несмотря на все гонения — наше главное назначение. Мы — посланники истинной, живой, гонимой ныне России в свободном мире, и тем обязательнее для нас сохранение нами чувства национального и личного нашего достоинства. И несмотря на то, что ныне говорят и общаются лишь с порабощенными Россией или их зарубежными подпевалами, факт нашего существования миру известен, как бы он и не замалчивался.

Благодаря богатому духовному и политическому опыту, почерпнутому нами в многолетнем пребывании в тех или иных странах, многим из нас придется сослужить немалую службу возрожденной России. Мы берем опыт этих стран и преломляем его в призме будущих нужд нашего Отечества. Мы берем вещи такими, какие они есть, без фанатического ослепления и ненависти к инакомыслящим. В самый разгар механического унитаризма, охватившего мир, мы утверждаем человеческую личность в свете истинной иерархии ценностей и уважении — к духовным, национальным, бытовым, историческим и пр. святыням отдельных народов, с которыми мы живем, разделяем их радости и горе, и надежды. С одной стороны мы наблюдаем "массы", а с другой — их "вождей". Мы видим, что эти "вожди" сплошь да рядом самозванные. Но вследствие неумолимой и тоталитарно действующей мировой политической машины, все эти бессловесные при всех их современных бумажных правах "массы" увлекаются "вождями" по околовому пути. Это — по сую сторону Железного Занавеса, а по ту — видим мы, как народный гений России зажат клещами тоталитарной диктатуры, и всемерно ею эксплуатируется.

Но и здесь, и там — говорят от имени народа, и во имя народа...

Мало остается ценностей в наш сумеречный век, и все меньше и меньше их становится. Но это — предрасветный мрак. И пред лицом этого мирового обездушивающего, обесценивающего и обезличивающего, уравнивающего

По случаю первой годовщины смерти Федора Федоровича ПРОХОРОВА в воскресенье 26 января 1958 г. в 4 ч. 30 м. дня будет отслужена панихида на могиле покойного на кладбище Сан Мартин, о чем извещают сын и невестка.

процесса — где нам искать верное убежище и истинную духовную крепость? И несмотря на то, мы живем в героические времена, и если мы того не замечаем, то таков удел всех "современников" великих свершений. Что же мы можем сказать об этих свершениях, несомненно эпохальных, стоящих на грани друг друга сменяющих двух эпох? И возрождение России и будет началом новой эпохи, если, конечно, силы тьмы не окажутся временно сильнее Света, и не погасят Его до поры до времени. Нам дано видеть это, и мы должны указать на это хотя бы для будущих поколений. И наш удел во всем этом может быть и очень велик, и очень мал — нам того знать не дано. Но разве не единая даже душа любезна пред Господом, разве не во имя единого только праведника соглашался Господь пощадить Содом и Гоморру? И вот, история каждому из нас в отдельности ставит задание, и каждый из нас ответствен в высшем плане перед совестью своей и совестью грядущих поколений. Каждый из нас должен засветить свою лампаду, как бы она мала ни была, и отряхнуть пыль от хартий:

"Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу, Своих Царей великих поминают..."

Можем сказать: подрубен могучий Российский дуб. Но не выкорчевать корни старого этого дуба никакими вражьими происками. Из этих старых корней взойдут молодые побеги и засеют на них почки — символ вечно возрождающейся Божьей и человеческой правды.

"Слышишь ли ты меня, батько"? — воскликнул мучимый врагами Остап..

"Слышу, сынку"! — отвечал Тарас.

Так и весь низовой, подневольный, православный люд отзовется на призыв исходящей муками и кровью Матери-России. Будем же и мы с ними прислушиваться к голосу нашей Родины, готовые отозваться на ее призыв, и выше всех благ пусть будет для нас достоинство и честь наша, как сынов Великой России.

Др. А. К.

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ В АРГЕНТИНЕ И В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

В редакцию "Нашей Страны" постоянно поступают просьбы наших читателей о введении в газете ОТДЕЛА ИНФОРМАЦИИ о текущих мировых событиях. На наши разъяснения о невозможности создания такого отдела, в связи с тем, что время, необходимое для доставки почтой газеты нашим читателям в большинстве стран, совершенно обесценивает подобного рода информацию, нам указывают, что ни для Аргентины, ни для стран Южной Америки, если газета туда посылается по воздушной почте, это не является причиной, заслуживающей уважения.

Идя навстречу нашим читателям, и исходя из последнего, вполне логичного соображения, Редакция "Нашей Страны" решила удовлетворить их желание и приступает к изданию СПЕЦИАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРИЛОЖЕНИЯ К "НАШЕЙ СТРАНЕ" ДЛЯ СТРАН ЮЖНОЙ АМЕРИКИ. Это приложение — на двух страницах — начнет выходить с 6 февраля с. г. — с № 420 "Нашей Страны".

Увеличивая, таким образом, размеры газеты для Южной Америки до 8 страниц, мы НЕ повышаем стоимости номера. Однако, каждому понятно, что издание специального приложения к газете требует дополнительных расходов, а каждому нашему читателю уже давно известно, что никакими средствами, никакими резервными фондами "НАША СТРАНА" не располагает, следовательно она стоит перед проблемой изыскания источников для покрытия этих новых расходов.

Первой и наиболее реальной возможностью этого является печатание на страницах этого ПРИЛОЖЕНИЯ объявлений коммерческого и иного характера и платных сообщений в Хронике местной жизни тех стран, в которых это ПРИЛОЖЕНИЕ будет распространяться

т.е. Аргентины, Бразилии, Парагвая и Чили. Поэтому, начиная с № 420, мы открываем ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ, устанавливая для них чрезвычайно скромный тариф, и рассчитывая на всемерную поддержку в этом отношении наших читателей, с целью максимально возможного увеличения их количества.

Объявления ПРИНИМАЮТСЯ: в Аргентине — специальными агентами по сбору объявлений для "НАШЕЙ СТРАНЫ", снабженными соответствующей доверенностью и квитанционной книжкой, а также — по телефону в срочных случаях — 52-7426; в Бразилии, Парагвае и Чили — представителями "Нашей Страны".

Второй возможностью поддержать это начинание является, конечно, УВЕЛИЧЕНИЕ числа подписчиков и покупателей газеты. В этом отношении мы также всецело рассчитываем на помощь наших постоянных читателей, которые, мы надеемся, приложат все усилия к приобретению газетой новых подписчиков. РЕДАКЦИЯ

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Стоимость одного кв. сантиметра устанавливается в размере Арг. \$ 3, Коуз. 10, Гуарани — 19, Чил. \$ 60 при однократном помещении объявления и при минимальном его размере равном 15 кв. см. (примерно 10 строк одной колонки текста).

При печатании объявления в 2-20 порядковых номерах — стоимость каждого кв. см. равна: Арг. \$ 2, Круз. 6, Гуарани 6, Чил. \$ 40.

Для полугодовых и годовых объявлений — тариф по соглашению.

Сообщения в Хронике местной жизни оплачиваются из расчета: 1 строка — Арг. \$ 3, Круз. 10, Гуарани 10, Чил. \$ 60.

Стоимость объявления должна быть уплачена ДО его помещения в газете.

Н. Потоцкий

Любители грязного белья

— Нужно ли, целесообразно ли для нас, монархистов, возвращаться к вопросу о Распутине? — спросят, быть может, некоторые читатели, увидев из начала настоящей статьи, что дело идет именно об этом.

— Нужно и целесообразно, — позволю я себе ответить им, и вот почему: Противники идеи восстановления в освобожденной от большевизма России Монархии вообще и, в особенности Монархии Самодержавной, стремятся при каждом удобном случае оперировать аргументом, который им представляется неотразимым: невозможно вернуться к тому политическому режиму, при котором возможно снова появление около престола всемогущих временщиков, диктующих свою волю слабым правителям в области государственного управления и даже в области ведения войны; нет никакой гарантии, что подобные временщики уподобятся тому же Распутину, чье влияние на Государя и Государыню в области именно дел правления и военных операций привело Россию к национальной катастрофе. Поэтому, во имя будущего блага нашей Родины, честные русские патриоты не должны ни в коем случае допустить восстановления в России Самодержавной Монархии, которая, по их мнению, — или, точнее, по словам г. Ольтина в его статье “Глазами монархиста” в № 403 газеты “За правду”, — “сковывая своей бюрократической структурой живые, здоровые силы страны, не допускала их к активному участию в управлении страной и к

реальному контролю над деятельностью правительства, не воспитала в народе уважения к принципам права и свободы”.

Но особенно сильным становится в глазах его авторов этот аргумент, если он опирается на свидетельства, идущие из монархического лагеря и даже из уст сторонников Самодержавной Монархии. Вот почему г. Ольтин считает свой удар по “реакционерам” (а это, согласно его “либеральным” шпаргалкам, синоним монархистов) особенно сильным и ловким, когда в вышеупомянутой статье он приводит многочисленные цитаты из воспоминаний В. М. Пуришкевича, этого, по его словам, “человека умного, наблюдательного и энергичного; убежденного монархиста “самодержавного” толка, искреннего и горячего русского патриота, всей душой любившего свою родину и своего Государя А так как в то же время “он был ярким противником прогрессивно-либеральной общественности и конституционно-демократической партии” и так как “ни в каких симпатиях к деятелям Февральской революции его обвинить нельзя”, то “вследствие всех этих соображений, личные наблюдения В. М. Пуришкевича и его оценка управления страной и ее внутреннего политического состояния в период, непосредственно предшествовавший Февральской революции, не только имеют объективную ценность, но и должны быть безапелляционно авторитетны для теперешних “самодержавников” (подчеркнуто мною. Н. П.).

ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТКЛИК

Издательство “Наша Страна” 24 декабря прошлого года, к 20-летию Чека, выпустило специальную листовку на русском языке со статьей Михаила Бойкова “Дети в советской тюрьме” и с другими антикоммунистическими материалами. Два дня спустя все эти материалы были напечатаны и в “Нашей Стране” (№ 414 от 26 декабря 1957 г.).

Большинство выпущенных листовок удалось распространить среди советских граждан, проживающих в городе и провинции Буэнос Айрес. Часть листовок попала и к читателям коммунистической “Нашей газеты”, издающейся в столице республики Аргентины на русском языке. В результате некоторые читатели этой газеты начали задавать ее редактору Ивану Кривдику и его заместительнице Елизавете Спиридоновой “неприятные вопросы” о детях в советских тюрьмах и концлагерях, о деятельности Чека и ее наследников, о советском суде и т. п. Спрашивающие получали уклончивые и неправдоподобные ответы, их не удовлетворявшие. Наконец, наиболее упорным “любопытным” было заявлено:

— В ближайшем номере газеты мы напечатать статью, разоблачающую измышления царистов из “Нашей Страны”...

Этот вынужденный отклик появился в № 1 (431) “Нашей газеты” от 4 января с. г. Но, увы, он совсем не такой, какого ждали читатели: напечатана всего лишь статья И. Бирюкова “Самое дорогое”, состоящая из пропагандной декламации в обычном трескучем стиле коммунистов. Называя детей в СССР “самым дорогим”, автор, например, пишет:

“Коммунистическая партия, как мать, заботится о подрастающем поколении. На примере этой заботы все могут видеть, как свято соблюдаются в нашей стране права человека. Советская семья, воспитывающая строителей коммунизма, сильных духом, здоровых, преданных Родине, всегда находит поддержку от партии и государства” и т. д.

Эта коммунистическая трескотня никакими достаточно убедительными и конкретными фактами не подтверждается, а факты, приведенные в “Нашей Стране” и ее листовках, ничем не опровергаются.

Советуем читателям “Нашей газеты” потребовать у редактора И. Кривдики и его заместительницы Е. Спиридоновой прекращения пропагандной декламации. Вместо нее требуйте правдивых и точных ответов на задаваемые вами вопросы.

твое было если и не роковым камнем в лоб Российской Монархии (который в те поры уже держали за пазухой господ из прогрессивного блока), то в всяком случае камешком весьма острым, оказавшим бесценную услугу именно тем, кого Пуришкевич считал своими врагами. Ибо сбитое с толку тогдашнее, еще здоровое, общественное мнение восприняло смысл этого убийства, в особенности после клеветнической речи Милюкова о “глупости или измене”, так: раз уж такие люди, как Великие Князья, просто князья и Пуришкевичи пошли на такое дело, значит Распутин действительно был изменником для русских народных интересов, значит эта измена свила гнездо в самом Царском Дворце, значит, Государыня... и т. д., и т. п. Может ли человек, наносящий такой жестокий удар Самодержавной Монархии, удар, основанный на предположениях, ложь которых уже давно доказана, считаться подлинным монархистом, верным слугою своего Царя?

А что касается слабости исторической эрудиции г. Ольтина, то, в вопросе о Распутине, мы укажем на его незнание чрезвычайно красноречивого документа, в свете которого всякая “авторитетность” Пуришкевича не только для нас, “самодержавников”, но и для всякого русского человека с мозгами, не свороченными на левую сторону, подрывается в корне. А именно, член Петроградской Городской Думы Д. И. Демкин рассказывает в своих воспоминаниях (журнал “Русская Летопись”, книга 6-я) что в первые дни Февральской революции в этой Думе выступал с речью Пуришкевич.

“Увлеченный жаждой славы и стремясь играть роль и при создавшейся обстановке, этот правый депутат, к общему изумлению, избрал темой своей речи личность Императрицы Александры Федоровны. Называя ее злым гением России, он обвинял ее в сношениях с Германией, в сообщении немцам планов по передвижению наших войск и времени перехода их в наступление, говорил, что по ее указаниям не были посланы на фронт пулеметы, оказавшиеся будто бы во время революции расставленными на крышах и на чердаках высоких домов для обстрела восставшего народа, а между тем, пулеметы были так нужны в сражениях при Карпатах, где был вообще недостаток в вооружении и патронах, так что солдаты вынуждены были “коляями и камнями отбиваться от наседавшего неприятеля”. Вот эти то обстоятельства, уже давно составлявшие предмет городских сплетен, и были повторены с дрожью в голосе подробно развиты в речи Пуришкевича. И на другой день он имел удовольствие прочитать в газетах о том, что даже такой правый депутат, как он, не смог выдержать “гнета царизма” и счел своим патриотическим долгом разоблачать темные деяния монархии”.

Стоит ли говорить о том, что после расследования комиссии Муравьева, назначенной Временным Правительством, эти гнусные обвинения против Императрицы оказались форменным вздором? Что таким же вздором является утверждение Пуришкевича о недостатке патронов и снарядов накануне революции, когда наша армия была ими завалена, как оказался вздором и рассказ о пулеметах на крышах? И если после того вздора и подобной лжи и клеветы, не уступающей по содержанию пресловутой речи Милюкова, г. Ольтин будет нам говорить, что утверждения Пуришкевича имеют “объективную ценность” и должны быть для нас “авторитетными”, то это просто смешно! А если ценность и авторитетность их равны нулю в данном случае, то не имеем ли мы права предполагать, что такорые же их ценность и авторитетность в его “оценке управления страной и ее внутреннего политического состояния”. Где может быть для г. Ольтина гарантия того, что эта оценка — а, следовательно, и оценка Пуришкевичем роли Распутина — не базировалась на тех же источниках информации, из которых этот исключительно легкомысленный и доверчивый служитель Монархии черпал свои сведения о сношениях Императрицы с немцами?

Но обратимся к Распутину.

Когда меня спрашивают, каково мое личное мнение об этом человеке, я отвечаю к гораздо большему для меня авторитету, чем Пуришкевич для г. Ольтина, — к авторитету покойного

Политическая Хроника

КЛЕВЕТА НА ДОМ РОМАНОВЫХ

Нам пишут из Сан-Франциско: “Русская Жизнь”, в статье ее редактора А. И. Делианич, призывает русских эмигрантов к протесту против выпускаемой американским издательством Джон Дэй Ко. в Нью-Йорке книги некоего Тисдала: “Мария Федоровна, Императрица Всероссийская”.

“Мы обращаемся ко всей русской общественности, — пишет А. И. Делианич, — ко всем, кому дорого наше прошлое, кто стоит на страже памяти Дома Романовых, с просьбой писать письма в издательство Джон Дэй Ко. и требовать задержания выпуска сочинения г. Тисдала”.

Книга Тисдала содержит ряд вымыслов, оскорбительных, как для России, так и для Дома Романовых.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕМЕЗИДА

Нам пишут из Сан-Франциско:

В Беркелее, под Сан-Франциско, окончил жизнь самоубийством профессор по кафедре криминалистики Калифорнийского университета, 45-летний д-р Дуглас М. Келлей.

Д-р Келлей был одним из самых известных американских криминалистов. Он был изобретателем т. н. полиграфических исследований, которые, с помощью изобретенной им машины, устанавливали, как он утверждал, правдивость или лживость показаний, даваемых преступниками на предварительном следствии. Метод д-ра Келлей получил в Соединенных Штатах широкое распространение и применяется ныне не только по отношению к преступникам, но и к некоторым другим категориям лиц, например, к кандидатам на особо секретную службу.

Во время Нюрнбергского процесса д-р Келлей был начальником т. н. психиатров, которые подвергали заключенных в Нюрнбергской тюрьме “главных военных преступников” непрерывным и часто весьма странным допросам, описанным в воспоминаниях оправданного в Нюрнберге бывшего германского канцлера фон Паппена.

В январе 1947 года д-р Келлей издал на английском языке книгу, названную им “22 камеры в Нюрнберге”.

Одним из заключенных, которого д-р Келлей лично допрашивал, был Геринг, покончивший, как известно, жизнь самоубийством в тюрьме, до объявления предостережения ему смертного приговора. Как ныне, в связи с самоубийством д-ра Келлей, установлено, после смерти Геринга на его трупе было найдено несколько герметически закупоренных капсуль, содержавших цианистый калий. Одну из этих капсуль д-р Келлей взял “на память”, привез с собой в Калифорнию и держал в своей лаборатории. Именно эта капсуля, принадлежавшая прежде Герингу, и послужила ему орудием самоубийства.

Государя Николая II. В воспоминаниях флигель-адъютанта Императора полковника Мордвинова, в том же журнале “Русская Летопись” мы читаем следующее:

“Однажды граф Фредерик спросил Государя, что же такое представляет собою Распутин, о котором все так много говорят? Государь, — рассказывал сам Фредерик, — ответил мне совершенно спокойно и просто: “Действительно, слишком уж много и, по обыкновению, много лишнего говорят, как и о всяком, кто не из обычной среды принимается изредка нами. Это только простой русский человек, очень религиозный и верующий... Императрице он нравится своей искренностью; Она верит в его преданность и в силу его молитв за нашу семью и Алексея... Но ведь это наше совершенно частное дело... удивительно, как люди любят вмешиваться во все то, что их совсем не касается.. кому он мешает?” (подчеркнуто мною Н. П.).

Вот самая простая и естественная правда: отношения к Распутину были совершенно частным делом Императора и Императрицы, которое никоим образом не находило в этих отношениях или в результатах этих отношений какую-то грязь, заражавшую духовную атмосферу России и вредившую ее национальным интересам, могут только ЛЮБИТЕЛИ ГРЯЗНОГО БЕЛЬЯ, кото-

рые стремятся, для оправдания своего каинова дела в дни Февраля, найти это грязное белье там, где его не было, чтобы иметь право лягать своим ослиным копытом поверженного льва.

— Но позвольте! — возопят г. г. Ольтины. — отношения Царской Семьи к Распутину не могут почитаться ее частным делом! Он вмешивался в дела правления! Он смещал и назначал министров! Он давал советы в области военных операций! Значит, он влиял на судьбы всей России! Значит, это и наше дело, дело пострадавших от этого его вмешательства!

Хорошо! Обратимся теперь к вопросу об этом «влиянии» и об этом «вмешательстве». Но обратимся не к «городским сплетням», которыми оперировал Пуришкевич и которые сеяли тогдашние г. г. Ольтины в их слепой вражде к Монархии, но к документам и к неопровержимым данным.

Недавно Н. Кусаков писал в «Нашей Стране», что тот, кто в области исторических исследований не читал книги С. С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II», не читал ничего. Я допускаю, что некоторые русские эмигранты, по независимости от них обстоятельствам, этой капитальной и исключительно серьезной и добросовестной книги еще не читали. Но если ее не читал профессиональный политический журналист, берущий на себя смелость поучать нас тому, что «объективный анализ прошлого необходим для правильного понимания настоящего и путей будущего», то его нельзя называть иначе, как политическим невеждой. Из всех писаний г. Ольтина определенно видно, что этой книги он не читал. А потому, принося извинения тем, кто ее читал, мы принуждены процитировать г. Ольтина и тем его читателям, кто, с его слов, поверят «объективным» и «авторитетным» разглашением Пуришкевича о «влиянии» Распутина, те пассажи из этого подлинно исторического труда С. С. Ольденбурга, которые дают ясное представление об этом «влиянии». Вот что пишет Ольденбург:

«Тщательно подготовленная враждебными Государю кругами еще в 1911-1912 г. «распутинская легенда», как известно, приписывала Распутину огромное закулисное влияние на государственные дела, на смену направлений и даже смену лиц», выражаясь словами Гучкова, одного из главных творцов этой легенды (если не главного). С этого времени в известных кругах вошло в обычай приписывать влиянию Распутина все «непопулярные» увольнения и назначения, все негодные «обществу» действия власти. Эта пропаганда, которая велась умело и упорно, находила немало легковверных слушателей; от упорного повторения, распутинская легенда понемногу приобрела в умах многих характер некоего «общепризнанного факта».

«Могло случиться, что эта легенда так бы и осталась недоказанной, но и не опровергнутой. Те, кто уверовал в нее, передавали свою веру другим и ни за что не хотели признать, что на самом деле они жестоко заблуждались. Но переписка Государя и Государыни, опубликованная советской властью, дает возможность документально установить, насколько неверно было представлено о властном влиянии Распутина на ход государственных дел. Эти письма показывают с очевидностью, что, если Государыня действительно верила Распутину, как «Божьему человеку», и готова была бы следовать его указаниям, Государь совершенно с этими указаниями не считался. Представление о политическом влиянии Распутина было поэтому легендой — вредной легендой. Она вносила смуту в умы, сбивала с толку людей правых взглядов».

И Ольденбург приводит нам те «советы», которые Распутин передавал через Государыню:

«Распутин (6. IV. 1915) не советует Государю ехать в Галицию до окончания войны: поездка состоялась».

«Распутин (15. VI. 1915) не советует созывать Гос. Думу: Дума созывается».

«Р. советует (15. XI. 1915) «начать наступление около Риги». Нечего и говорить, что никакого наступления не происходит».

«Р. (15 и 29 XI. 1915), наоборот, убеждает созвать Г. Думу: «теперь все желают работать, нужно ока-

Михаил Бойков

ВЗГЛЯНЕМ ПРАВДЕ В ЛИЦО

Впервые за четыре года моего сотрудничества в «Нашей Стране» я принужден ответить на статью одного из ее сотрудников. Не могу не ответить.

В № 416 «Нашей Страны» от 9 января с. г. напечатана статья Капит. Д. «Вокруг политики». В ней, между прочим, написано следующее:

«Мы страдаем большим недостатком — боимся взглянуть правде в лицо. И если кто-нибудь скажет, что русский народ сравнительно легко принял коммунистическое правительство, то, в лучшем случае, редактор вычеркнет это, в худшем — на автора такой мысли обрушится со всех сторон гром и молнии. Попробуем спокойно разобраться в этом».

Далее автор стремится внушить читателям, что русский народ принял коммунизм сравнительно легко, не поддержал Белой борьбы и «восстаний — Кронштадтского, Тамбовского и др.», что «сорок тысяч офицеров, бывших в районе Москвы в октябре 1917 г., без особой душевной ломки пошли на службу Третьему Интернационалу и поступили в Красную армию», а на Украину, еще не занятой большевиками, сотни офицеров (по словам Версигаева) служили лакеями «во всех кабаках, ресторанах и шантанах больших городов...» «в то время, когда на берегах Кубани и Дона, кучка детей во главе с ген. Корниловым истекла кровью в неравной борьбе, защищая честь и достоинство России». Нарисовав эту предельно мрачную картину, автор делает вывод:

«При соотношении сил, когда с одной стороны — буквально горсть героев, без тыла, без оружия, без снабжения, без денег и, с другой стороны, 170-миллионное взбаламученное русское море, победа не могла оказаться на стороне Белой армии...»

Не собираясь обрушивать на Капит. Д. гром и молнии, я хочу только, вместе с читателями «Нашей Страны», «взглянуть правде в лицо» и «спокойно разобраться в этом».

Как известно, в первые годы революции советское правительство опиралось не на русский народ, а на сброд не русского происхождения. Не желая задевать чьи бы то ни было национальные чувства, я от перечисления составных частей этого сброда воздерживаюсь.

Для борьбы против всех противников советской власти Ленин и Дзержинский, 20 декабря 1917 г., создали Чек. Количество штатных и внештатных сотрудников НКВД, включая и специальные войска, к ноябрю 1937 г., по словам Ежова, достигло 3.500.000 человек.

зять им немного доверия». — Созыв Думы откладывается на февраль».

«Р. умоляет (12. X. 16) «остановить бесполезное кровопролитие» — атаки на Ковельском направлении, в этом он сходилась с весьма широкими кругами, включая деятелей «блока»; на военных операциях эти «мольбы», опять таки, не отразились никак».

«Р. «предлагает» в министры финансов гр. Татищева (19. XII. 15), в военные министры — ген. Иванова (29. I. 16), в министры путей сообщения — инж. Валуева (10. XI. 16); Государь просто и г н о р и р у е т эти «предложения». Он даже не отвечает на них Государыне. Ген. Иванов, кстати, около того же времени, у в о л ь н я е т с я с должности командующего юго-западным фронтом».

«Р. просит: не назначать Самарина (16. VI. 15); не назначать Макарова (23. V. 16). Такое же игнорирование со стороны Государя».

«Р. предлагает в товарищи министра к Протопопову кня Оболенского и «недолюбливает» Курлова; фактически назначается именно Курлов».

«Все эти «советы» Государь отвергает молчаливо, не желая задевать чувства Государыни. Иногда у него, однако, прорывается и некоторое раздражение. «Мнение нашего Друга о людях бьются иногда очень странными, как Ты сама это знаешь» (9. XI. 16). «Пожалуйста не примешивай сюда нашего Друга».

На территории СССР с 1917 по 1957 год было 52 известных мне антисоветских восстания. Если Капит. Д. пожелает, я могу их перечислить в с е. Советская власть потопила эти восстания в морях народной крови.

Ни одной армии без изменников, дезертиров и трусов среди офицерства пока еще не было. Ставить на первое место в этом отношении Россию нет никаких оснований. По данным «Мирового обозрения» (№ 4 за июнь 1957 г.) большевики казнили и замучили 740.000 офицеров царской и белых армий и бывших государственных чиновников с 1917 по 1923 год. В большинстве эти жертвы были теми, кто не захотел служить коммунизму.

Население занимаемых в 1941 году германской армией русских городов и деревень встречало ее с цветами и хлебом-солью. И не вина этого населения если два года спустя «освободителей», оказавшихся завоевателями, пришлось провонять всем, что под руки попадалось.

К концу 1944 года количество заявлений в Русскую Освободительную Армию, возглавлявшуюся генералом Власовым, перевысило два миллиона.

По сообщению № 4 «Мирового обозрения» за 1957 г., уезжавшему из Москвы Чарльзу Болену, посланнику САСШ, Никита Хрущев заявил:

— Здесь, в Советском Союзе, коммунистическая партия составляет меньшинство, в то время, как большинство нации составляет оппозицию. Тем не менее, партия и нация нашли способ мирного сосуществования.

Цена этого «сосуществования» страшная. Коммунизм обошелся народам России с 1917 по 1957 год в 79 миллионов жертв. Из них более 40 миллионов погибло в тюрьмах, концлагерях и ссылках.

Вряд ли все эти факты свидетельствуют о том, что «русский народ сравнительно легко принял коммунистическое правительство».

Изображать Белую борьбу в виде «буквально горсти героев» и этим объяснять ее неудачу — значит несколько вольно обращаться с историей Гражданской войны в России. Тем более, что живые еще многие воины белых армий. Армий, а не «горстей». Их поражение в гражданской войне вызваны рядом причин, из которых главные две: белые армии не привлекли, — и даже не пытались привлечь, — на свою сторону симпатии народа, а их вожди были больны (так же, как и теперешние эмигрантские) застарелой российской болезнью, начавшейся еще во времена удельных княжеств, т. е. междоусобицей.

Эти примеры, взятые из переписки за какие-нибудь два года, показывают, до какой степени нелепы утверждения о «царстве Распутина».

Но не только у Ольденбурга мы находим подтверждение полной необоснованности, а вернее, лжи всех подобных утверждений. В упомянутых уже записках полковника Мордвинова мы находим подчеркивание того факта, что Государыня в письмах к Государю жалует на то, что: «Как часто мы не обращаем внимания на его (Распутина) слова!»... «Все делается против его желания»... «Его очень опечалило, что не спрашивают его мнения»... и т. п. О каком же «влиянии» можно при таких условиях говорить?

«Сам Распутин, — пишет Мордвинов, — как видно, напр., из его случайного характерного разговора с французским послом Палеологом, свидетельствует, что его влияние в делах управления равно нулю, и он просит постороннего иностранца, Палеолога, укрепить Государя во мнении о полезности одной из мер, т. к. сам лично это сделать бессильен».

Интересно отметить, что этот «властный временщик» даже и при Дворе бывал очень редко, о чем пишет тот же Мордвинов:

«Командир Собственного ЕИВ полка, ген. Ресин, без ведома которого ни одно лицо не могло проникнуть во дворец, в декабре 1916 г. мне дружески говорил, что мог бы дать честное слово, что со времени вступления его в должность, кажется в

Русскому народу и русскому офицерству Капит. Д. противопоставляет народ и офицерство немецкое:

«В Германской армии были и плохие и хорошие генералы, но, насколько я знаю историю немецкой армии, генералов изменников там не было ни в Первой, ни во Второй войне».

А фельдмаршал Паулюс и его штаб, перешедшие на службу к советской власти, это кто же такие? Может быть, немецкие национальные герои?

Что же касается некоторых офицеров, сменивших мундир на фрак лакея после поражений на поле брани, то подобные случаи бывали не только в России, но и в других странах. Разве в 1945-46 г. г. немецкие офицеры не работали в берлинских и мюнхенских ресторанах? И разве в ресторанах и ночных барах Нью-Йорка теперь не работает ни один ветеран Корейской войны? Однако, количеством лакеев, вышедших из среды офицерства, определять достоинство и недостатки той или иной армии было бы не весьма справедливо.

Первую половину своей статьи Капит. Д. заканчивает так:

«Повидимому, немецкий народ сделан из другого теста. Германия два раза разбита, разгромленная, разрушенная до основания, лишенная всех колоний и Восточной половины государства, все таки не восприняла коммунизма, который ей двенадцать лет вбивают в глотку не только враги, но и союзники».

Ну, а было ли в Германии что-либо вроде Белой борьбы против коммунизма? Какие восстания, кроме Берлинского, там были? Слышно ли там что-нибудь о Германской освободительной армии? И что станет с Германией, если ей будут «вбивать в глотку» коммунизм не двенадцать, а сорок лет, если ей, — не дай Бог! — придется перенести такие коммунистические прелести, как сплошная советизация, колхозы, раскулачивание, концлагери, стахановщина, насильственная репатриация и прочее?

Воспринять коммунизм не может и не сможет ни один народ в мире. Причина этого проста: коммунизм — противоестественное явление, противное натуре человеческой. Поэтому можно говорить не о восприятии его отдельными народами, а о степени их сопротивляемости ему.

Да, немецкий народ сделан из другого теста. Русское «тесто» замешано круче. Поэтому все попытки коммунистических пекарей выпечь из него «советский урендель» за сорок лет успехом не увенчались, хотя и «пошла на топливо» треть населения страны.

К такому выводу придет каждый, кто взглянет в лицо в с е й правде, а не только половине ее.

Михаил Бойков

течение семи месяцев, нога Распутина не бывала в Александровском Дворце. По словам наставника Наследника, Жильера, жившего во Дворце, и лейб-медика Е. С. Боткина, бывавшего там ежедневно, они на протяжении нескольких лет встречали его всего по одному разу».

«О нем, о котором все так много кричали, я совершенно не знал. Я ни разу не встречал его ни во дворце, ни во время прогулок в Дворцовом парке, и ни разу не слышал о нем ни малейшего намека ни от Их Величеств, ни от Наследника, ни от Великих Княжен, с которыми я был связан самой искренней и откровенной дружбой. Я не видал его ни на одной из фотографий, снятых собственноручно членами Царской Семьи и очень подробно шаг за шагом, обрисовывающих ее домашнюю жизнь. Уже одно это обстоятельство показывает, насколько утверждение всех, что «Р. дневал и ночевал во Дворце» и «был главной фигурой в Их интимной жизни, без которой они не могли обойтись», является столь же далеким от истины, как и фантастические легенды, связывавшиеся с именем и влиянием этого человека. Многие, настаивая на влиянии Распутина, любят ссылаться на увольнения и опалу, постигавшие министров, пытавшихся раскрывать Государю глаза на проистекающий отсюда вред или осмеливавшихся не исполнить разных просьб людей, находившихся под его покровительством. Последнее об-

стоятельство ни разу не подтвердилось действительностью».

«Я вспоминаю, наоборот, два случая из служебной жизни министра народного просвещения графа Игнатова, рассказанных мне им самим, как он в резкой форме отклонил просьбу лица, явившегося к нему на прием с запиской от Р., а в другой раз — уволил от службы значительного чиновника, принадлежавшего к числу лиц, окружавших Распутина. Оба случая отнюдь не отразились на служебной карьере гр. Игнатова и, наоборот, насколько я знаю, Государь непосредственно вслед за тем настойчиво просил его оставаться на службе, когда граф обращался к Его Величеству с просьбой об увольнении. Известные мне случаи: один с лейб-медиком Боткиным, отказавшимся, несмотря на желание Ее Величества, принять больного Распутина у себя на дому и продолжавшего сохранять неизменное расположение Их Величеств. Другой — с врачом Церкосельского лазарета, княжной Гедройц, попросившей Распутина, пришедшего навестить больную Вырубову, покинуть госпиталь и тем не менее продолжавшей сохранять свою должность и пользоваться вниманием Императрицы. Эти случаи подтверждают всю неосновательность вздорных слухов, возникших по подобным поводам».

И не характерен ли в этом отношении вопрос министра Двора, обращенный к Государю, о том, что такое представляет, собственно, собою Распутин? Как мог министр Двора не знать, что «старец» был чуть ли не главою государства, в чем убеждены до сих пор г. г. Ольтины, высказывая это в тех своих творениях, которые умный иностранец, Жильяр назвал «сборником нелепостей и лжи, самой низкопробной литературой, опирающейся на самую недостойную клевету».

Если бы господа, имеющие смелость претендовать на роль политических журналистов, понимали, что эта функция обязывает их и к самому элементарному знанию человеческой психологии, то они увидели бы, что в этом отношении гораздо глубже их в своих суждениях оказался обыкновенный полковник того времени, Мордвинов, который пишет:

«Я не могу себе представить, чтобы образованный, глубоко культурный, начитанный исторически человек, и, притом, человек с преемственным государственным опытом, с беспредельно развитым чувством долга и личной ответственности, каким являлся Государь, мог подпасть под влияние и оказаться руководимым не в частной жизни только, а в государственном управлении, другим человеком, совершенно лишенным даже зачатков тех качеств, которые необходимы для государственного сотрудничества. Это являлось тем более невероятным, что основные черты характера Государя не давали этой возможности никому. Ни один из государственных деятелей, ни до Распутина, ни после него, не мог утверждать, что кто-либо из них пользовался исключительным, всеобъемлющим влиянием. Каким бы сильным характером ни отличались эти деятели или даже частные лица всех оттенков, неизменно приходилось от каждого из них слышать, или читать в их записках, что их влияние у Государя обыкновенно бывало ничтожным».

Совершенной ложью является утверждение Пуришкевича о том, что он «с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок обаяния царского имени в войсковых частях, и увы! не только среди офицерской, но и в

толще солдатской среды, и причина этому одна — Григорий Распутин».

Зимние месяцы 1916-17 г. я провел в Царском Селе и в Гатчине на формировании артиллерийских дивизионов. Нас было там несколько сотен молодых и средних лет офицеров. Никогда ни между нами, ни в наших разговорах с солдатами (которые часто задавали вопросы о войне, о фронте и т. п.) не было речи ни о Царской Семье, ни о Распутине, ни тем более, о какой-либо «измене при Дворе» и т. п. За два месяца до революции я уехал на фронт. Там было то же самое, и, как пишет П. Н. Краснов в своей статье «Памяти Российской Императорской Армии» (Журнал «Русская Летопись»), в это время «на позициях продолжалась трудовая жизнь, в тылу работали полковые учебные команды, и настроение повсюду было прекрасное. Не было и намека на какой-либо протест или неудовольствие. Пришло известие об убийстве в Петербурге Распутина и прошло незамеченным. На позициях было тихо. Наступил праздник Рождества Христова. 6-го января при резервных полках служили молебен с водосвятием. На нем были знамена от всех полков дивизии, после молебна был парад. По обычаю была провозглашена здравица за державного Вождя Русской Армии, играли гимн и по сновному лесу перекатывалось отдаваемое эхом ликующее «ура». И был с нами Бог, и был Царь, и была Родина-Россия. Счастливы были поэтому лица, беззаботен смех и сильна уверенность в победе».

Кто может отрицать тот факт, что накануне Февральского переворота наша Армия была вооружена до зубов, в изобилии снабжена всем необходимым и спокойно, в сознании своей мощи, готовилась к грандиозному наступлению, которое, принимая во внимание уже почти полное к тому времени истощение врага, должно было закончиться грандиозной и блестящей победой? Но именно эта победа была нежеланна единомышленникам г. Ольтина: они отлично понимали, что эта победа сделает на сотни лет неземной нашу Монархию, к свержению которой они так страстно стремились. И они сорвали эту победу!

Еще интереснее свидетельство полк. Мордвинова о настроениях тех самых петроградских запасных полков, которые, под влиянием худших в их среде элементов и при наличии несомненного подкупа немецкими деньгами (Ген. Краснов говорит о том, что в Семёновском зап. полку, в первый день бунта, вольноопределяющийся Линде раздавал солдатам новенькие 25-рублевые бумажки), вышли на улицу.

А вот, что было всего за несколько месяцев до Февраля:

«До сих пор, — пишет Мордвинов, — я вспоминаю с волнующим чувством последний Высочайший смотр запасных гвардейских и армейских частей на Марсовом Поле в Петрограде. До сих пор я слышу эти, никогда ранее с таким воодушевлением, с такою силою, с таким громом не раздававшиеся на приветствие Государя ответные клики и «ура». Он ехал, как обыкновенно, медленно и спокойно по фронту, как всегда пылливо, с любовью всматриваясь в солдатские лица, ласково и доверчиво улыбаясь на их столь искренний порыв. Императрица и Наследник следовали за Ним. Я видел, что и на них устремлялись не одни только любопытные взоры, что и их провожали те же громкие, неподогретые приказом начальства клики, то же искреннее воодушевление».

Так же интересно свидетельство беспристрастного иностранного наблюдателя о настроениях петроградских рабочих, которое проявилось 18/31 июля 1916 г., когда Государь, в сопровождении дипломатического корпуса, присутствовал на Галерной гавани при церемонии спуска бронированного крейсера «Бородино».

«По окончании церемонии, — пишет Палеолог, — мы посетили мастерские. Государя всюду приветствуют. По временам он останавливается, чтобы поговорить с рабочими и с улыбкой пожимает им руки. Когда он продолжает свой обход, приветствия утлаиваются... А еще вчера мне говорили о тревожном революционном возбуждении в этих самых мастерских».

Не с полным ли спокойствием и с полной готовностью выполнить свой

долг грузились в вагоны те строевые части, которые должны были подавить петроградский бунт? Можно ли сомневаться, что, если бы во главе их стояли энергичные генералы, они несколькими залпами разогнали бы бунтовщиков и перевешали бы на фонарных столбах жалких «вождей» жалкого Февраля? А когда г. г. Ольтины радовались своей победе над ненавистным им Самодержавием, два умных иностранца оказались гораздо более проникательными и в оценке значения этого Самодержавия для Русского народа, и в определении его, как духовного стержня для Армии.

Один из них, убежденный республиканец, французский посол Палеолог, еще до революции пишет:

«Уничтожение Самодержавия, вероятно, откроет бесконечную эру смут, подобно той, которая последовала после смерти Иоанна Грозного, так как Самодержавие не только официальная форма русского образа правления, но вместе с тем основание, леса и структура всего русского строя. Самодержавие создало историческую индивидуальность России и ее поддерживало. Вся коллективная жизнь русского народа слилась с Самодержавием. Вне Самодержавия нет ничего. Если Самодержавие рухнет, будьте уверены, что оно повлечет за собою и всю храмину России. Самодержавие в настоящее время является наивысшим выражением национальности России и ее наибольшей силой».

А другой, — английский посол Бьюкенен записывает уже в мае 1917 года:

«Нынешний русский солдат не понимает, ради чего и ради кого он воюет. Прежде он был готов отдать жизнь за Царя, олицетворявшего в его глазах Россию, но теперь, когда Царя нет, Россия, за пределами его деревни, ничего для него не представляет».

Насколько лучше, чем наши доморощенные либералы, понимали эти иностранцы духовные основы Российской государственности и привязанность к ним широчайших русских масс! А эти жалкие доктринеры, актеры провалившихся Февральских подмоетков, до сих пор уныло талдычат об ужасах бюрократического режима! Каким образом, если он «сковывал живые и здоровые силы страны», Россия могла накануне войны прогрессировать гигантскими шагами и в области материального развития, и в области духовных достижений (ликвидация безграмотности к 1922 году)? Ах, этот режим «не допускал эти живые силы к активному участию в управлении страной!» Но вот, после Февраля те, кто облыжно причислял себя к этим силам и претендовал дать стране победу и невиданное благосостояние, пришли к этому управлению! Ну, и что же они дали стране? В чем проявилась их государственная мудрость, их организаторские способности? В развале армии, в всеобщем хаосе, в «керенках», в позорной сдаче власти большевикам?

Но если все рассказы о «влиянии» Распутина на дела государственного управления оказались, по словам такого серьезного историка, как Ольденбург, легендой, то отнюдь не легендой оказываются вредоносные с точки зрения национальных интересов данных стран и порою даже фатальные закулисные влияния на их внутреннюю и внешнюю политику при наличии в этих странах столь дорогих сердцу г. г. Ольтинных республиканских и конституционно-монархических режимов. В самом деле, было ли в Императорской России что-либо подобное скандалу Ставицко-го, чуть было не вызвавшего революцию во Франции? Под чьим могущественным влиянием на политику архидемократических Соед. Штатов был предан и продан коммунистам национальный Китай? Каковы были те «окультурные» силы, под влиянием которых был устранен со своего поста блестящий полководец и человек государственного ума Мак-Артур как раз в тот момент, когда он намеревался нанести смертоносный удар мировому коммунизму в Азии? Гарантировал ли этот же республиканский режим Америку от присутствия при ее президенте таких политических проходимцев и явных советских агентов как Алджер Хисс? Не тождатся ли позорным пятном на столь «образцовый» с точки зрения наших любителей политических пиджаков с

чужого плеча английский конституционно-монархический режим такие факты, как выдача на муки и смерть честных солдат Власовской Армии и продиктованная бедной королеве стоящей у власти партии необходимость принимать у себя во дворце международных преступников и убийц и подавать им руку? Пусть скажут честно наши «либералы», возможны ли были такие явления в Царской России при таком Государе-джентльмене, как Император Николай II и все его Царственные Предки? В сравнении с такими позорными и дорогой ценой оплачиваемыми целыми нациями фактами (сколько уже заплатила и сколько еще заплатит Америка за политику Рузвельта, ведущую под влиянием подлинно темных сил) разговоры о «влиянии Распутина» свидетельствуют только об отсутствии самой элементарной политической и гражданской честности у жалких последней тех мосек, которые лаяли из своих подпольных подворотен на императорского слона.

Г. г. Ольтины имеют еще преступную смелость проливать крокодиловы слезы о погибшей Царской Семье! Но пусть скажут они, проповедующие строго правовое государство, какое право их единомышленники Временного Правительства имели держать в заключении Царя и Царицу, после того, как комиссия Муравьева установила их полную виновность в их предполагавшихся «преступлениях», в предательстве интересов Нации и т. п.? Почему после этого эти поборники права и свободы немедленно не освободили Царственных узников, а вместо этого перевезли их в далекую ссылку, чем и уготовали их мученическую смерть? А потому, прежде чем упрекать императорский режим в том, что он «не воспитал народ в уважении к принципам права и свободы», необходимо иметь это уважение в самих себе и не томить неповинных людей в тюрьме, а после этого лопотать там еще что-то о «тоталитаризме» и «реакционности». Не может быть худшей реакционности, как стремление вернуть свой народ вот к этим самым принципам Февраля, к «нетленным ценностям», которые, кроме крови и грязи, русскому народу ничего не принесли.

Но г. г. Ольтины надо оправдать преступление жалких паяцов Февраля, проявивших в сто раз больший «калейдоскоп бездарности», чем тот, о котором пишет Пуришкевич, говоря о правительстве царском. А для этого оправдания им нужно изобрести, создать и перемывать несуществовавшее грязное бельё Монархии. Это грязное бельё и создали в нужное время Гучков и его присные. А его перемывание продолжают г. г. Ольтины, для чего вытаскивают на свет Божий совершенно лживые и клеветнические — но для них «объективные» и «авторитетные» — суждения таких пустозвонных «монархистов», каким был Пуришкевич.

Как мудра, как права была Мученица-Государыня, когда еще задолго до революции писала в своих письмах Государю, что всех этих Гучковых Милюковых и Поливановых нужно было сослать в Сибирь! К ним нужно было бы присоединить и Пуришкевича — ему не пришлось бы обливаться Ее грязью в первые же дни торжества красной тряпки, ибо, без предательской и клеветнической работы этих «печальников» о своем народе война закончилась бы победоносно под нашим славным трехцветным флагом и под Императорским Двуглавым Орлом. И г. Ольтину не пришлось бы продолжать жалкое дело профессионального работника в этой грязной прачешной, брызгами которой он стремится еще до сих пор загрязнить светлую память тех Мучеников, которые думали прежде всего о благах своего народа и жизнь свою отдали за него.

Н. Потоцкий

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА

« НАША СТРАНА »

Библиотека «Наша Страна» Третья серия. Выпуск 3-й

Лидия Норд ИЗ БЛОКНОТА СОВЕТОКОЙ ЖУРНАЛИСТКИ

Цена Ам. \$ 1.50 В Аргентине — 30 песо

ЖЕЛАЮ ПРИОБРЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. Себастьян Княпп. Мое водолечение (на русском языке)
2. Н. Бердяев. Смысл истории. Изд. 1923 года
3. Русский календарь по 1914 год. Изд. Суворина
4. В. Иванов. От Петра I до наших дней.

Предложения с указанием стоимости книги прошу направлять в Редакцию газеты «НАША СТРАНА»

С. Л. Войцеховский

„За гранью прошлых дней“

О КНИГЕ Г. В. МЕСНЯЕВА

Русская зарубежная печать бедна двойкой — невысок ее внешний уровень, отражающий эмигрантскую нищету; узок круг ее сотрудников, свободных русских журналистов, и эта узость объясняется не только нашей продолжительной разлукой с Россией.

Увы, в самой России, уже до все-российского погрома, названного революцией, „загорный цех“, — как Пушкин называл собратьев по перу, — не был содружеством свободным. На нем бряцали цепи раблепного преклонения перед любую иностранщиной и это добровольное холопство порождало отчуждение от русского народа, от его святынь и веры, от его действительных потребностей и нужд. Русская печать до революции служила не России, а тому „прогрессу“, целью которого было уничтожение России. Исключений было очень мало.

В этом положении дореволюционной русской журналистики — ключ к истории зарубежной русской печати в годы, отделяющие Галлиполи от нападения Гитлера на Польшу. За границей оказалось, вначале, довольно много пишущих русских людей, но над большинством из них тяготела их прошлое отрицание России, олицетворенной царским скипетром. Только немногие из них, гораздо позже, осудили это отрицание — наиболее талантливо и убежденно это сделала А. В. Тыркова-Вильямс.

Первоначальной многочисленности зарубежных русских журналистов не соответствовали ни число, ни объем эмигрантских газет и журналов. Пишущих было много, писать им часто было негде. Этим отчасти можно объяснить „старение“ редакции и то малое место, которое они уступали новым, молодым пришельцам, выросавшим за границей. Не только возраст был им — этим молодым — помехой к приобретению навыков и знаний, нужных журналисту. Большим препятствием было отрицательное отношение зарубежной русской молодежи к тем кумирам, которым, ничему не научившись, продолжали кланяться стареющие ненавистники русского прошлого.

Эмигрантские редакции, в европейских больших столицах, не стали, поэтому, школами нового поколения русских журналистов.

Более благоприятным было, до Второй Мировой войны, положение на Балканах и, особенно, в Восточной Европе. Там наличие коренного русского населения, т. н. национальных меньшинств, не только питало местные русские газеты. Оно заставляло их жить не одним прошлым, не мечтами о будущем, а повседневной заботой и насущной борьбой — тою трудной „учебой“, без которой невозможно воспитать журналистическое поколение. В Польше, в Латвии, в Югославии (где русские эмигранты как бы стали своеобразным „национальным меньшинством“) появились первые ростки того

служения пером русскому народному делу, которое, увы, было затоптано Гитлером и, затем, раздавлено Сталиным.

Второй великий исход русских людей за границу, породивший т. н. новую эмиграцию, и отдельные случаи „перехода на Запад“ после окончания военных действий (мир ведь еще заключен не везде и война, следовательно, еще не окончена) обогатили зарубежную печать значительным числом людей способных, иногда талантливых, часто — превосходно знающих свое „ремесло“. Здесь не место судить о том, почему, при таком пополнении, уровень русской зарубежной печати в послевоенные годы так трагически понизился, почему на ее столбцах все чаще и громче грубая брань и всяческой поношение противников занимают все большее место. В чем угодно, но в этом новые эмигранты, в большинстве случаев, неповинны...

Среди новых имен, выдвинувшихся в эмигрантских журналах и газетах после войны, имя Г. В. Месняева приобрело особую окраску. Это имя — наперекор тому понижению уровня, на которое я только что указал — стало как бы порукой доброкачества, олицетворением особых качеств. Эти качества, в необычайно высокой степени, присущи всему тому, что пишет Г. В. Месняев — постоянные читатели „Нашей Страны“ это, конечно, знают давно и хорошо.

Не будучи журналистом в том особом смысле слова, которое журналистике связывает с сообщением читателю последних известий и с их немедленным освещением, Г. В. Месняев в несколько лет занял одно из первых, я бы сказал — это, конечно, дело вкуса — первое место в зарубежной публицистике, в том особом виде творчества, в котором злободневность растворяется в широком и высоком воздухе нравственной и исторической оценки. В статьях Г. В. Месняева, а пишет он много и часто, не только для „Нашей Страны“, словно вознаграждая себя и читателей за долгое, вынужденное молчание, этот воздух на редкость прозрачен и чист. Любовь к России и любовь к истине ведут его перо...

От книги, заглавием которой Г. В. Месняев сделал слова любимого поэ-

та (А. А. Фета), читатель вправе ждать сборника его публицистических статей. „За гранью прошлых дней“, однако не публицистика. Не бойся я отпугнуть читателя, я бы сказал, без объяснений, что эта книга — лирика, вдохновенная тремя поэтами, Фетом, А. Толстым и Буниным, и одним великим прозаиком, однофамильцем поэта. Лирика, в точном, в „техническом“ смысле слова, в книге, конечно, нет, но, от первой строки до последней, она озарена поэзией, тем отношением к человеку, к миру и к слову, которое не поддается точному определению — ведь поэзию, как музыку, не каждому дано чувствовать и понимать.

Русский читатель, обладающий этим даром, не оторвется от книги Г. В. Месняева, не дочитав ее до конца. Он, может быть, разделит мою оценку — лучшими частями этой книги он признает повесть об А. К. Толстом и „Кадетские годы“, необыкновенно яркое, правдивое и убедительное описание детских и юношеских лет, прожитых автором в Орловском-Бахтинском кадетском корпусе. Мне довелось прочесть это описание в „Военной Были“, где оно, до появления книги Г. В. Месняева, было напечатано по частям. Собранные в книге, эти отрывки засверкали новым, неожиданным блеском. Я уже сказал, что они — не публицистика, но и воспоминаниями их не назовешь — в руках Г. В. Месняева перо оказалось кистью художника...

Свободному творчеству не свойственно то уклонение от истины, которое, лет сорок тому назад, называли в России „тенденцией“. В повестях, рассказах и воспоминаниях Г. В. Месняева „тенденции“ нет. Нет в них, при этом, и безразличия к событиям и людям, описанным доброжелательно, но справедливо. Нет в них и безразличия к России, к ее прошлому обилию, великодушию, могуществу. Имя Г. В. Месняев пленен и тогда, когда, как свидетельствуют его статьи, он признает невозвратимость внешних проявлений дореволюционной русской жизни. Пристрастное и злобное поношение этих проявлений ему, однако, не только чуждо, но и неприятно. „Я слишком монархист, — мог бы он повторить вслед за А. К. Толстым, — чтобы нападать на монархию; я даже скажу, я слишком художник, чтобы нападать на монархию“.

Верным глазом художника Г. В. Месняев в русском прошлом увидел больше светлого, чем темного. Дай Бог, чтобы мягкий свет, исходящий от этой книги, осветил побольше русских душ...

С. Л. Войцеховский

РОЖДЕСТВО В МОСКВЕ

В последних числах декабря газеты сообщили, что в Москве Рождество было отпраздновано при полных храмах и что богослужения сопровождались проспевами о мире во всем мире. Что именно имели в виду корреспонденты телеграфных агентств, давших эту информацию, установить не удалось. Осталось впечатление, что церковь пользуется полно свободой и благодушно празднует, под любвеобильным покровительством коммунистического правительства. Только осведомленные лица были сзадачены: неужели Советский патриарх перешел на новый стиль?

Последовательно поступившие данные разъясняют вопрос о праздновании Рождества в Москве. Приводим текст Бюллетеня Министерства Иностранных Дел САСШ.

МОСКВА. 7-го января 1958 г. — Советское радио обрушилось ожесточенной атакой против Рождества, которое в России празднуется сегодня, 7-го января, и назвало его ложным религиозным праздником, вредным для советской идеологии.

Станиславская радио-станция в тексте, подготовленном к концу года, ожесточенно нападает на идею о существовании Христа и утверждает, что Спаситель это — „вымышленная личность, которая в действительности никогда не существовала“.

Присоединяясь к коммунистической борьбе против всех религий, названная радио-станция добавляет: „Рождество, как и все религиозные праздники, вредно не только потому, что оно есть элемент пропаганды религиозной идеологии, в принципе противоречащей марксизму-ленинизму, но также и потому, что оно оживляет религиозные и иные чувства у многих людей Советского Союза“.

К такому признанию факта, что значительная часть русского народа хранит свои религиозные верования, несмотря на коммунистическую антирелигиозную пропаганду, длящуюся уже 40 лет, присоединяется еще и жалоба Советской власти, которая часто указывает, что религиозные торжества нарушают хозяйственные планы коммунистического правительства.

„ИЗГНАНИЕ И СВОБОДА“

Декабрьский номер органа Интернационала свободы — Объединения для Защиты Угнетенных Народов

„EXIL et LIBERTE“

вышел на 8-ми страницах с иллюстрациями.

Он содержит следующие полноценные, представляющие исключительный интерес статьи:

Жорж Бидо: „Строительство Европы закончится лишь тогда, когда в нее включатся поработанные народы“.

Едмонд Баррашен: „Единство свободного мира“.

Каарел Пууста: „Миссия изгнанников“.

В. Веннамин: „Две революции: советская и венгерская“.

Жорж Олливе: „Сорок лет большевистских достижений“.

Абель Клартэ: „Конец Европы“?

Эта последняя статья является отповедью на очередную вреднейшую книгу, направленную, якобы, против большевизма, на самом деле — против России. Как пишет Клартэ, появление такой книги должно радовать каждого коммуниста.

Обозреваемый номер, который каждому русскому эмигранту, владеющему французским языком, будет интересно прочесть — и затем передать иностранцам — содержит также пространственный отчет о состоявшемся 5-го ноября в Париже „Международном митинге непримиримости“.

Из передовой статьи, в которой указано, что газета вступает в пятый год своего существования, приведем следующие заключительные строки:

„Дорогие читатели, от Вас зависит скорейшее развитие „Изгнания и Свободы“. При Вашей поддержке наша газета явится тем рупором свободного мира, который сведет на нет большевистский обман. Вместе с вами, мы победим“.

Почтовый адрес:

„Exil et Liberte“, 50, Rue Violet, Paris (15).

ВОСТОЧНО-ГЕРМАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ

Бонн, 3 января 1958 г. В течение 1957-го года из Восточной Германии, находящейся под Советским контролем, бежало более 250.000 человек. Общее число лиц, происходящих из зоны Восточной Германии, нашедших убежище в Западной части Берлина и Западно-Германской Республике равно 264.000. Это значит, что ежедневно 725 человек бросали свои дома, работу, а иногда и семьи, в поисках свободы. В эти цифры включены только те, кто официально обращался с просьбой о разрешении поселиться в Зап. Германской Республике. Но есть много беженцев, находящихся кров и работу у своих родных и друзей, не прибегая к помощи государственных учреждений. Среди беженцев наблюдается увеличение числа молодых людей с техническим образованием.

В прошлом декабре коммунистическая власть Советской зоны Германии объявила, что побег из этого Советского сателлита есть преступление, наказуемое как измена. Коммунистическая газета „Нойес Дейчланд“ признается, что большое число бежавших оставляет фабрики без техников, а поля — без столь необходимых рабочих рук.

В дополнение к этому сообщению, исходящему из официальных Сев. Американских источников, заметим, что в широкой прессе мелькнуло сообщение о тревоге в армейских частях Советской армии в Берлине и об усилении постов на улицах, разделяющих зоны Берлина в последние дни декабря. И то и другое, как объясняют западные наблюдатели, было результатом чрезвычайного увеличения побегов чинов Советской армии в западную зону Берлина.

Вскоре поступит в продажу М. КАРАТЕЕВ ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА

Исторический роман
из жизни Руси 14 столетия

Книга содержит около 500 стр. и, помимо увлекательной фабулы, дает много редких и интересных сведений по истории Руси и татарских орд.

Цена 3,50 доллара

В Аргентине — 80 песо

По предварительной записи в редакции „Нашей Страны“ или у автора:

(Balm. Atlantida, R. O. del Uruguay)
2,20 дол.

ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРИМЫЙ СЛУЧАЙ! СРОЧНО ПРОДАЮ:

ДВА полных комплекта газеты
„НАША СТРАНА“ (№№ 1-14)

Цена — 35 дол. за комплект

ТРИ полных комплекта №№ 1-172
газеты „НАША СТРАНА“, содержащих полный текст романа

Глеба Томина

(ИВАНА СОЛОНЕВИЧА)

ДВЕ СИЛЫ

и многочисленные статьи на разные темы Ив. Солоневича и др.

Цена — 20 дол. за комплект

Желающих приобрести вышеуказанные комплекты „НАШЕЙ СТРАНЫ“ прошу срочно сообщить в редакцию газеты

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАША СТРАНА“

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
новая книга

Г. МЕСНЯЕВ

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

Содержание:

I
За гранью прошлых дней. — Околоданный витязь (1. „Князь Серебряный“. 2. Во дворце. 3. „Тень Грозного“. 4. Закат печальный).

II
Кадетские годы (1902-1909). — Давнее.

III
„Семигорье“. — „Бимлюк“. — Еврейская больница. — Вайнахт. — Святая простота.

Цена — Ам. дол. 3.30 или эквивалент в местной валюте. В Аргентине — 80 песо. Стр. 304.

Заказы направлять автору или по адресу редакции „Нашей Страны“.

TENEMOS UN SOLO ENEMIGO: FORMEMOS UNA SOLA UNION

por ALBERTO DANIEL FALERONI

No habrá victoria sobre el comunismo internacional, si no es derrotado el comunismo soviético.

No habrá liberación de las naciones sojuzgadas, si no se aplasta el poder soviético y no se libera a Rusia.

Estas son las premisas fundamentales, a mi entender, en que deben basarse la táctica y estrategia de lucha anticomunista en el mundo. Tales premisas, para ser convertidas en realidad, deben ser ejercitadas por un movimiento mundial anticomunista, que observe las mismas características y coordine la acción en la misma forma como lo hacen los soviéticos. Como el enemigo es uno, una debe ser la unión anticomunista que lo enfrente.

Para derrotar al comunismo soviético, no es necesario recurrir a la guerra. Estas psicosis que controla psicológicamente a muchos pequeños sectores anticomunistas, divide en vez de unir.

Hay quienes creen que arrojando bombas atómicas sobre la unión Soviética, ya está resuelto el problema. No. Ese no es el camino. El camino es el de la Revolución Libertadora.

Pretender liberar matando masivamente, es, también, pretender esclavizar masivamente.

La causa de la liberación de los pueblos no triunfa exacerbando el nacionalismo xenófobo de esos mismos pueblos. Fijémonos, para ello, en la experiencia de la última guerra mundial. Alemania, cuando atacó a la Unión Soviética, fué vista por muchos pueblos sometidos por el comunismo, como libertadora. Incluso el mismo pueblo ruso arrojaba sus armas, creyendo que los alemanes le libertarían del yugo rojo. Pero, cuando esos pueblos observaron que los alemanes no entraban como libertadores, sino como conquistadores, se volvieron fieramente contra sus ejércitos, y los vencieron.

El espíritu alemán de conquista no hizo más que desencadenar una ola de gran violencia nacionalista xenófoba. Ya no se odió al "nazi", sino al "alemán". Y así una buena oportunidad histórica se perdió para liberar a los pueblos sometidos al poder bolchevique.

(Continuará)

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Слава, Петя, Алеша и Катя! Если кто либо из вас оказался за границей, отзовитесь по адресу редакции газеты "Наша Страна" на мое имя. Ваш отец и дядя Павел.

В. Петренко убедительно просит профессора математики Николая Павловича Беляева сообщить о себе по адресу редакции газеты "Наша Страна".

Разыскиваются: Мельников Иван, род. на Кавказе в 1898 году и Кириллов Стефан, род. в Виленской области в 1908 году.

Лиц, что либо о них знающих, просят дать о них сведения по телефону 38-0940 или лично — Calle Solis 721, Dep. J., Buenos Aires — от 9-13 часов ежедневно.

КАЖДУЮ СУББОТУ В 17.05 ЧАСОВ.

СЛУШАЙТЕ

РУССКИЕ ПЕРЕДАЧИ

ПО

RADIO NACIONAL

710 килоцикл.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

БРАЗИЛЬСКИЙ ПРИНЦ О РОССИИ

Внук последнего бразильского императора и теоретический наследник престола принц Дон Луиз дэ Орлеанс и Браганса совершил в 1902 году путешествие по Индии, перевалил Гундукуш и через русский Туркестан вернулся в Европу. Его дорожные впечатления недавно вышли из печати и в них есть очень интересные наблюдения.

Принц покинул Бразилию ребенком, когда дед его был свергнут с престола и выслан в Европу. (К слову следует сказать, что свергли последнего императора Бразилии за то, что он освободил рабов!). Воспитывался принц Луиз в католическом колледже во Франции, закончил образование в Англии и потом служил кавалерийским офицером в Австрии. О России он имел представления весьма смутные, как полагается приличному европейцу, т. е., знал, что цивилизованный мир кончается там, где доминируют англичане, французы или немцы.

В Индии принца принимали английские губернаторы, посещал он и ультрапарижских (по его выражению) магараджей, встретил ряд очаровательных дам, ясно, англичанок, участвовал в охотах, пикниках (под военной охраной!), посещал скачки, поло, парады и банкеты и вообще чувствовал себя почти превосходно. Почти — потому, что его несколько шокировала разница между "цивилизованными" англичанами и загнанным туземным населением — магараджи тут не в счет. Он еще помнил Бразилию и ему было трудно себе представить столь резкое разделение между высшей расой и голодными, загнанными и некультурными туземцами. Ему было неприятно видеть, как на улицах индусы должны были отскакивать в сторону, чтобы уступить дорогу белому и было непонятно, почему цивилизаторы должны были строго охраняться и не смели без охраны или в одиночку проникать в туземные кварталы, где им грозил либо кинжал в спину, либо удушение. Особенно остро чувствовалось это в поезде, когда при проходе белого через битком набитый туземцами вагон, вся эта масса стремительно очищала проход для высшего существа.

Доехал принц до Кашмира, поезд был давно покинут, последние перегоны делались в тележке, а теперь пришлось пересесть на крупного гунтера, чтобы перевалить в китайский Туркестан. В Кашгар. Хотя это и "была китайская провинция со своим полновластным "амбанем", но — первая неожиданность — несмотря на присутствие английского военного агента, фактически самым главным и влиятельным лицом был здесь русский консул, мистер Петровский. Поэтому раньше, чем посетить амбана, принц первый визит нанес в русское консульство. Вторая неожиданность — г. Петровский оказался приятнейшим собеседником, прекрасно говорившим по-французски, человеком широко образованным и великолепно знавшим свой край, не чуждым высшей политике, столь сложной в этой точке соприкосновения трех могущественных держав. Дон Луиз определяет его в своих записках, как тип замечательных русских чиновников, мудро предоставленных самим себе, которому императорским правительством дана полная свобода действий.

У русского консула был свой конвой из 60 казаков. В проводники принцу было отряжено два казака на мохнатых азиатских коньках, столь непохожих на холеных гунтеров. На таких же полудиках с виду конях отправился дальше принц и его свита, состоявшая из камердинера и какого-то неопределенного типа, который всегда сопровождал английских охотников. Никто из новых спутников не понимал ни одного из европейских языков, но природная сметливость казаков помогла взаимному пониманию во время пути по диким горным тропинкам и неудобным, но поэтическим перевалам Гиндукуша.

Наконец, на отрогах Пика Кауфмана — первый русский пограничный пост. Приветствовал принца военный врач, личность, как пишет принц, очень любезная, но не знающая ни одного европейского языка, что не мешало гостеприимству и радушию. В столовой появился самовар и жена доктора заставила стол печеньями, козьим сыром, сушеными фруктами и всякой другой снедью. Вскоре появился, в белом ки-

теле, командир поста и начальник округа, капитан Куропаткин — брат военного министра — манипулировавший школьными воспоминаниями французского и немецкого языков. Затем явился инженер, руководящий постройкой телеграфной линии, говорящий по-английски, потом таможенный чиновник из балтийских немцев и "дружеская беседа затянулась далеко за полночь". И это, несмотря на то, что к ужину подавался жареный на вертеле барашек с очень большим количеством сала — вещь глубоко возмущавшая принца своей примитивностью. Еще больше поразило принца то обстоятельство, что "у русских нет и признака того чувства комфорта, которым англичане владеют в избытке", так как капитан Куропаткин, под властью которого находятся десятки тысяч киргизов, не имеет даже своего повара и пищу ему готовят по очереди дежурные казаки.

На следующий день кап. Куропаткин едет с принцем верхом. По пути встречаются кочевников, устраиваются джигитовки и "байга", приводящая принца в снисходительный восторг, не только лихостью всадников, но и простотою дружеских отношений между покоренными народами и их завоевателями, русскими. И принц меланхолически признается в своих записках в том, что находится в сомнении: кто же является настоящими специалистами в искусстве управления покоренными народами — русские или англичане. И приходит к заключению, что все виденное в эти дни во время триумфального шествия капитана Куропаткина, заставляет отдать пальму первенства русским: "административная сеть русских, конечно, не так безупречно организована, как английская, но зато более гибкая".

Путешествие продолжается. На всех остановках — обеды, ужины, попытки балов. Очаровательные дамы, говорящие по-французски с режущим принцево ухо акцентом. И странно: в Индии тоже были приемы и ужины, в Индии пили виски, здесь водку; но там говорили о гольфе и поло, а в России — разговоры об управлении страной, о местной истории, обычаях, о планах на будущее. Беседы с русскими дамами о последних новинках мировой литературы: о театрах, операх — и это в краю, чтобы добраться до которого нужна неделя путешествия по железной дороге!

В Андижане, по приказу Государя, принцу предоставляется вагон генерал-губернатора. Путешествие, во время которого так хорошо приводить мысли и впечатления в порядок.

И принц в своих записках отмечает, что всюду в этой азиатской стране царствует спокойствие, благополучие, и довольство. Это — заслуга царской администрации, которая в тридцатилетний срок привела в порядок и мирное состояние страну, где испокон веков шли междоусобные войны, царил анархия, постоянная вражда между многочисленными племенами. "Методы цивилизации", — пишет принц, — "здесь менее радикальны и сильно отличались от современных английских, но житель русского Туркестана никак не может жаловаться на судьбу: он не потерял ни свою старую свободу, ни язык, ни религию, ни обычай. Он ни перечеком не должен гнуть голову, в противоположность индусу, находящемуся в полном унижении под английским давлением. Даже мусульманский фанатизм примирился с властью неверных, а народы уже совершенно искренне признают власть Белого Царя, наследника, как утверждают легенды, и законного последнего Чингиз-Хана. Европейец может совершенно безопасно бродить по всем городам и местечкам, в любой час суток, без всякой охраны и без оружия. А вот в Пешавере и в Лагоре, или у афганской границы, где обитают те же самые народности, неосторожные англичане уничтожаются систематически и беспощадно".

Вот в кратких словах объективные наблюдения беспристрастного, но наблюдательного путешественника. И даже скорее не беспристрастного, ибо предвзятое мнение об английском превосходстве и русском невежестве, насколько можно судить по запискам, у принца, несомненно, было.

И. Покровский

Примечание: название цитируемой книги:

D. Luis de Orleans e Bragança. — "Onde Quatro Imperios se encontram" Rio de Janeiro, 1951.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8406
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B.
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E
14-th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.,
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3,
Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré.
(Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave
— 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama"
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine,
Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg
Postfach 142

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26,
Athènes.

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamche
Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Bu-
randa, Brisbane, Q-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str.,
Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str.,
South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Irán: Mr. L. Popov, Manoutcheri Str.,
Koutchek Goudarzi No. 12, Teherán.

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА
Аргентина — 3 песо; САСШ — 30
ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бра-
зилия — 6 круз.; Венесуэла — 1
бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Па-
рагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил.
песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Фран-
ция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10
бельг. фр.; Швейцария — 1 шв.
франк; Германия — 75 пф.; Иран —
10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс.
австр.; Марокко — 60 фр.; Италия
— 150 лир; Голландия — 0.65 гуль-
дена; Швеция — 1 шв. кр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Брази-
лия 8 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.;
Парагвай — 10 гуар.; Чили — 50 чил.
песо; Франция — 100 фр. фр.; Гер-
мания — 1 нем. марка; Голландия —
1 гульден...

В розничной продаже и при под-
писке — цена номера одинакова.
Подписную плату настойчиво про-
сим вносить не менее чем за .д е-
с я т ь. номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией "Нашей
Страны" и ее представителями на
определенное количество порядко-
вых номеров, или на срок на 6 или
на 12 месяцев (подписная плата в
этом случае равна соответственно
стоимости 25-ти или 50-ти номеров)